

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Помѣщаемъ ту часть статьи проф. Модестова о Петербургскомъ университетѣ, которая нами своевременно не была напечатана, какъ не вполне относящаяся къ дѣлу и притомъ не разработанная на основаніи всѣхъ имѣющихся свидѣтельствъ. Газетныя заявленія г. Модестова побуждаютъ насъ предать гласности эти нѣсколько страницъ — не въ качествѣ статьи журнала, а въ качествѣ интереснаго и притомъ нуждающагося въ комментаріяхъ документа.

Конецъ статьи проф. В. Модестова:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“.

Возвращаясь къ судьбамъ петербургскаго университета, естественно спросить себя, какъ отразилось на ходѣ дѣлъ его введеніе устава, такъ сильно расходящагося съ уставомъ 1863 года, которому, какъ это было раньше замѣчено, университетъ этотъ въ значительной степени былъ обязанъ пышнымъ расцвѣтомъ своей научной жизни и преподавательской дѣятельности?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ прежде всего слѣдуетъ сказать, что для исторіи дѣйствія новаго устава на жизнь русскихъ университетовъ еще не наступило время. Вполнѣ оно наступитъ тогда, когда переживаемый вами періодъ жизни уступитъ мѣсто другому, въ которомъ получатъ преобладаніе другіе взгляды и другія потребности. Жизнь идей, какъ и жизнь самыхъ человѣческихъ обществъ, представляетъ собой постоянно сѣгну прилива и отлива: въ извѣстный періодъ преобладаетъ одно теченіе, которое сначала все поднимается вверхъ, затѣмъ понижается и замѣняется другимъ, съ каждымъ происходитъ та же исторія. Было время для устава 1863 года, настало другое, болѣе благопріятное для устава 1884 года. Когда произойдетъ отливъ создавшихъ этотъ послѣдній, онъ будетъ замѣненъ новымъ уставомъ, который будетъ соответствовать новому теченію, какъ въ общей политикѣ, такъ и во взглядахъ на университетскую организацію, всегда стоящихъ въ зависимости отъ общей политики. Вотъ въ это то время, т. е. когда переживаемый вами періодъ сдѣлается достояніемъ исторіи, и будетъ сказано все, что нужно, относительно вліянія на ходъ университетской жизни дѣйствующаго теперь устава.

Впрочемъ, что касается петербургскаго университета, можно положительно сказать, что перемѣна устава не причинила никакого ущерба его блестящему состоянію. Нынѣ дѣйствующій уставъ, произведшій столько перемѣнъ въ университетскомъ управленіи, ничѣмъ не стѣснилъ научной дѣятельности университетской коллегіи и предоставляетъ ей полную возможность развивать ее посредствомъ основанія новыхъ ученыхъ обществъ и ученыхъ изданій. Это главное. Лишь-бы въ университетѣ процвѣтала наука, остальное само собой придетъ рано или поздно въ надлежащее состояніе.

На цвѣтущее состояніе петербургскаго университета бросаютъ время отъ времени темную тѣнь студентскіе беспорядки. Беспорядки эти не только не прекратились съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго устава, но въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ приняли небывалые размѣры. Самымъ печальнымъ событіемъ въ исторіи университета этихъ годовъ является злодѣйское покушеніе трехъ студентовъ, арестованныхъ 1-го марта 1887 года и злоумышлявшихъ съ разрывными снарядами въ

рукахъ противъ жизни самого Государя. Ничего подобнаго столь безумнымъ замысламъ не представляли до тѣхъ поръ лѣтописи русскихъ университетовъ. Арестованные злоумышленники принадлежали, правда, университету всего нѣсколько мѣсяцевъ, поступивъ въ него лишь осенью предшествовавшаго года, но все-таки они были студенты университета, и это было не только для университетскаго начальства, но и для всей корпорациі заведенія крайне прискорбно. Начальствующій и преподающій персоналъ былъ погруженъ вслѣдствіе того въ немалое смущеніе. Смущеніе это высказалось между прочимъ въ двухъ актахъ, занесенныхъ крупными буквами въ лѣтопись университета. Первымъ изъ такихъ актовъ была рѣчь ректора П. Е. Андреевскаго, произнесенная 6-го марта въ актовомъ залѣ въ присутствіи почетнаго учебнаго округа, его помощника, всѣхъ профессоровъ и преподавателей университета, а равно и массы студентовъ, которую едва вмѣстила огромная зала университета. Вотъ какъ началъ свое обращеніе къ профессорамъ и студентамъ университета его главный представитель:

«Я собралъ васъ, милостивые государи, съ тою цѣлью, чтобы здѣсь, въ вашей средѣ, найти хотя нѣкоторое успокоеніе отъ того страшно-подавляющаго горя, которое пало на нашъ университетъ. Я знаю, что оно давитъ васъ всѣхъ столь-же тяжело, какъ и меня. Я знаю, что въ томъ, что буду говорить, я выражу только общую, всѣмъ намъ одинаково принадлежащую, мысль, высшія, общія намъ чувства скорби и негодованія. Но въ этомъ-то общемъ, одинаковомъ нашемъ настроеніи только и можно искать средства примиренія съ непримиримымъ и способа очищенія и облѣбленія опозореннаго учрежденія, нашего великаго учрежденія—университета...» Указывая далѣе на то, что подобное преступленіе просто невѣроятно со стороны питомцевъ университета, высказывая сокрушеніе, что эти «злосчастные», не усѣвшіе еще проникнуться благотворнымъ вліяніемъ университетской среды, вошли въ университетъ только для того, чтобы опозорить его, протестуя отъ лица всѣхъ студентовъ противъ возмутительнаго поступка трехъ отверженцевъ ихъ среды, онъ твердо заявляетъ, что «университетъ — учрежденіе національное, и въ немъ такъ-же широко, какъ растетъ раскрытіе истины, растетъ и крѣпнеть любовь къ отечеству и неразрывно съ нимъ связанному и истари о немъ пекущемуся монарху». Въ заключеніе покойный теперь ректоръ провозгласилъ, что весь университетъ, профессора и студенты, повергають къ стопамъ Государя «чувства вѣроподданнической преданности и горячей любви», въ каковомъ смыслѣ и будетъ составленъ всеподданнѣйшій адресъ Его Величеству. Рѣчь эта, сопровождавшаяся дружными рукоплесканіями, вызвала восторженные возгласы студентовъ, за которыми слѣдовало пѣніе народнаго гимна и громогласное «ура», долго оглашавшее университетскія стѣны.

Въ тотъ-же день на экстренномъ собраніи совѣта университета былъ единогласно принятъ и подписанъ слѣдующій адресъ:

«Ваше Императорское Величество, Государь Всемилостивѣйшій!

Три злоумышленника, недавно сдѣлавшіеся къ великому несчастію для С.-Петербургскаго университета, его студентами, своимъ участіемъ въ адскомъ замыслѣ и преступномъ сообществѣ нанесли университету невыносимый позоръ. Тяжко, скорбно, безвыходно! И въ эти горестные дни С.-Петербургскій университетъ, въ цѣломъ его составѣ, всѣ его профессора и студенты, ищутъ для себя единственнаго утѣшенія въ милостивомъ, Государь, дозволеніи подвергнуть къ священнымъ стопамъ Вашего Величества чувства вѣроподданнической преданности и горячей любви».

Государю Императору угодно было 12-го марта удостоить этотъ адресъ слѣдующей резолюціи:

«Благодарю С.-Петербургскій университетъ и надѣюсь, что на дѣлѣ, а не на бумагѣ только, онъ докажетъ свою преданность и постарается загладить тяжелое

впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ участіемъ студентовъ въ преступномъ замыслѣ. Да благословитъ его Господь на все доброе!»¹⁾

Ближайшими послѣдствіями преступнаго замысла трехъ студентовъ, для университета, были: оставленіе должности ректоромъ Андреевскимъ и назначеніе ректора Владиславлева (28-го мая), закрытіе (12-го іюня) состоявшаго въ университетѣ «студенческаго научнаго литературнаго общества», увольненіе и исключеніе въ теченіе каникулярнаго времени многихъ студентовъ изъ университета и опубликованіе въ августѣ новыхъ правилъ пріема въ С.-Петербургскій университетъ, въ силу которыхъ въ 1887—1888 академическомъ году принимались въ число студентовъ этого университета только лица, получившія аттестаты зрѣлости въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго округа, а изъ другихъ округовъ принимались только тѣ, родители, родственники или заступающія ихъ мѣста лица конхъ имѣютъ постоянное пребываніе въ С.-Петербургѣ и обязываются подлинской постоянно наблюдать за студентомъ, который въ такомъ случаѣ и долженъ непрежѣнно жить съ нимъ. Относительно евреевъ при этомъ было сказано, что число ихъ должно составлять не болѣе 3% общаго количества студентовъ, принятыхъ на тотъ-же семестръ. Наконецъ, со всѣхъ принятыхъ въ августѣ 1887 года студентовъ плата за ученіе поднималась съ пяти рублей на двадцать пять. Вслѣдствіе этихъ, принятыхъ къ уменьшенію числа студентовъ мѣръ, общая цифра студентовъ, бывшая къ 1-му января 1887 года 2525, а вольнослушателей 2627, къ первому января 1888 года понизилась до 2058, а въ вольнослушателяхъ до 2123.

1887-й годъ былъ вообще несчастнымъ годомъ не только для петербургскаго, но и для другихъ университетовъ; въ ноябрѣ и декабрѣ этого года подвигались волненія во всѣхъ русскихъ университетахъ, кромѣ Кіевскаго, гдѣ было спокойно со времени крупныхъ сентябрьскихъ волненій 1884 года, приведшихъ къ увольненію всѣхъ студентовъ и къ временному закрытію университета. Бурныя волненія проявлялись сначала въ Москвѣ, потомъ въ Харьковѣ, Одессѣ, Казани и, наконецъ, въ Петербургѣ. Въ Москвѣ волненія приняли такіе размѣры, что, какъ сообщалось отъ 3-го декабря въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», приходилось въ Екатерининской больницѣ для разсѣянія сходовъ пустить въ ходъ жандармовъ и полицію, а въ Петербургѣ потребовалось ввести полицію даже изъ университетъ, чтобъ укротить бушующихъ. Во всѣхъ этихъ университетахъ лекціи были приостановлены и возобновились въ слѣдующій семестръ не 15-го января, согласно уставу, а въ Москвѣ 21-го января, въ Харьковѣ 25-го, въ Одессѣ 29-го, въ Петербургѣ 30-го, а въ Казани, какъ сообщалось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 24-го января, лекціи должны были открыться между 1-мъ и 8-мъ февраля 1888 года. По случаю происходившихъ въ концѣ 1887 года безпорядковъ и изъ опасенія новыхъ, въ Петербургскомъ университетѣ актъ 8-го февраля былъ отиѣненъ.

Но какъ конецъ 1887 года былъ временемъ безпокойствъ для русскихъ университетовъ и въ частности для Петербургскаго, такъ осень 1888 года была для нихъ временемъ, когда учащаяся молодежь доставила много утѣшенія своимъ начальникамъ и руководителямъ. Сначала студенты харьковскаго, затѣмъ студенты московскаго, наконецъ, петербургскаго университетовъ воспользовались случаемъ чудеснаго спасенія Царской семьи 17-го октября при крушеніи поѣзда на Харьково-азовской дорогѣ, чтобъ доказать живѣйшую преданность своему Государю, съ восторгомъ встрѣчая Ихъ Величества и обнаруживая при видѣ ихъ радость, исполненную благородныхъ порывовъ юности. За это они удостоились выраженія черезъ министра народнаго просвѣщенія «особаго удовольствія» Государя Императора и Государыни Императрицы, которое и было петербургскимъ студентамъ сообщено ректоромъ университета посредствомъ особаго письменнаго объявленія сообоено ректоромъ университета

¹⁾ См. Отчетъ университета за 1887 г., стр. 3—4.

обстоятельство, вѣроятно, играло не маловажную роль въ распоряженіи министра народнаго просвѣщенія, которымъ на 1889 — 1890 учебный годъ разрѣшался пріемъ въ петербургскій университетъ окончившихъ гимназическій курсъ съ аттестатомъ зрѣлости и въ другихъ учебныхъ округахъ.

Но волненія и безпорядки среди русскихъ студентовъ обнаруживались и въ концѣ 1889 (въ Одессѣ) и въ началѣ 1890 года (въ разныхъ мѣстахъ). Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 30 марта сообщалось, что въ теченіе февраля и въ началѣ марта происходили безпорядки въ Петровской академіи, въ московскомъ и петербургскомъ университетахъ, въ петербургскомъ технологическомъ и лѣсномъ институтахъ, въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, а также, «хотя и незначительно», въ новоалександрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Изъ петербургскаго университета, согласно сообщенію того-же «Прав. Вѣстника», было тогда уволено 20 человекъ и 2 исключено.

Съ новымъ десятилѣтіемъ, въ которое петербургскій университетъ празднуетъ семидесятилѣтіе своей жизни, въ немъ мало-по-малу возстановилось среди учащейся молодежи спокойствіе, полноты котораго только ему и недоставало, чтобы тверже идти по пути процвѣтанія, имъ достигнутаго еще въ предшествовавшую эпоху.

Какъ университетъ, не смотря на пертурбаціи, имъ пережитыя въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, все растетъ умственно и какъ преподаваніе въ немъ все болѣе и болѣе усиливается, видно уже изъ того, что въ теченіе этого двадцатипятилѣтія онъ приобрѣлъ цѣлую сотню новыхъ преподавателей, а именно: къ пятидесятилѣтнему своему юбилею въ 1869 г. онъ имѣлъ 76 преподавателей; за годъ и даже за два до семидесятилѣтія онъ имѣлъ ихъ уже 175, а въ настоящей моментъ ихъ насчитывается? Къ тремъ, образовавшимся на основаніи устава 1863 г. ученымъ обществамъ при университетѣ, прибавились за двадцатипятилѣтіе новыя общества: нео-филологическое, историческое и русское антропологическое, а химическое общество, преобразованное въ русское физико-химическое общество, раздѣлилось на два самостоятельныхъ отдѣленія: химическое и физическое. Какъ университетъ обезпеченъ научными силами для своего развитія въ будущемъ, показываетъ то обстоятельство, что въ 1892 г., по отчету за этотъ годъ, значилось 102 лица, состоявшихъ въ означенному году при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Къ настоящему моменту, какъ слѣдуетъ полагать, число это еще болѣе увеличилось. Благодаря частымъ безпорядкамъ въ средѣ студентовъ и нѣкоторымъ причинамъ вишняго свойства, не такъ возросло число учащихся въ университетѣ, какъ это должно было бы быть, судя по росту ихъ въ нормальные годы. Къ началу 1869 г., т. е. ко времени пятидесятилѣтія, число студентовъ доходило до 944 человекъ, къ которымъ присоединилось еще 126 человекъ постороннихъ слушателей. Если взять во вниманіе, что число студентовъ доходило еще въ 1848 г. за 700 человекъ, что затѣмъ, спустившись въ силу распоряженія 1849 г. до 300 (это, впрочемъ была цифра только своекоштныхъ студентовъ), оно снова возросло къ концу учебнаго 1860—1761 гг. вмѣстѣ съ вольнослушателями до 1442 человекъ, а безъ вольнослушателей до 1274 человекъ, то цифра 2306 человекъ, а съ вольнослушателями 2356, какая значилась къ 1-му января 1893 г., является очень незначительною. Эта незначительность намъ покажется тѣмъ болѣе ненормальною, что еще къ 1-му января 1887 г. студентовъ въ петербургскомъ университетѣ числилось 2525, а съ вольнослушателями 2627 человекъ. На сравнительно низкую цифру студентовъ для такого университета, какъ петербургскій, повліяли въ теченіе его семидесятилѣтія жизни собственно три главныхъ обстоятельства: ограбленіе числа своекоштныхъ студентовъ распоряженіемъ 1849 г. цифрой 300 человекъ, закрытіе университета въ 1861 году, продолжавшееся для историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ до 1863 года и ограниченіе пріема въ университетъ воспитанниками гимназій одного петербургскаго округа въ 1887—1888, 1888 —

1889 академическихъ годахъ. Впрочемъ, если мы сравнимъ цифру 2356 съ цифрой 20 своекоштныхъ слушателей, явившихся къ открытію курсовъ 5 ноября 1819 г., то и настоящая цифра студентовъ покажется громадною. Она была бы громадною и въ томъ случаѣ, еслибъ была всего 2000, такъ какъ и тогда представляла бы собою за семьдесятъ пять лѣтъ увеличеніе во *сто* разъ.

Разсмотрѣвъ въ бѣгломъ очеркѣ судьбы университета, мы естественно становимся лицомъ къ лицу съ вопросомъ: какое значеніе имѣеть с.-петербургскій университетъ въ ряду другихъ русскихъ университетовъ и вообще среди учреждений, созданныхъ для высшаго образованія и научнаго изслѣдованія?

На вопросъ этотъ безъ колебанія можно отвѣтить такъ: С.-Петербургскій университетъ имѣеть значеніе передового поста науки въ Россіи и въ то же время представляетъ собой высшее учебное заведеніе, гдѣ русскій юноша можетъ получить наиболѣе законченное образованіе въ своемъ отечествѣ. Это будетъ совершенно понятно, если мы представимъ себѣ, что университетъ этотъ, съ перваго своего момента обставленный выдающимися учеными силами, переданными ему дѣликомъ Главнымъ Педагогическимъ Институтомъ, имѣя подъ бокомъ Академію Наукъ, которой онъ давалъ наиболѣе членовъ и съ которою всегда стоялъ поэтому въ близкихъ отношеніяхъ, находясь вообще въ центрѣ умственной жизни Россіи и потому безъ труда привлекая въ число своихъ дѣятелей цвѣтъ русской науки, естественно долженъ стоять впереди другихъ подобныхъ учреждений и быть для нихъ въ той или другой степени указателемъ движенія. Все это, разумѣется, сказано, какъ выражаются *im Ganzen und Grossen* и подлежитъ въ подробностяхъ разнымъ ограниченіямъ. Бывали для петербургскаго университета времена упадка, каково было время попечительства Рувича, или каково было время послѣ 1848 года, до окончанія крымской войны, и онъ, такимъ образомъ, не всегда находился на высотѣ своего положенія; долгое время, можно сказать до пятидесятихъ годовъ, оспаривалъ у петербургскаго университета первое мѣсто московскій, у котораго и въ самомъ дѣлѣ до того времени юридическій и филологическій факультеты, пожалуй, были въ общемъ сильнѣе; бывали по временамъ на той или другой каедрѣ представители значителнѣе петербургскихъ даже въ провинціальныхъ университетахъ, особенно въ казанскомъ, гдѣ обыкновенно процвѣтали математика, астрономія, естественныя науки (химія, зоологія) и отчасти въ кievскомъ и даже харьковскомъ; въ нѣкоторыхъ научныхъ областяхъ, какъ, напр. въ философіи, не говоря о богословскихъ наукахъ, всегда были сильнѣе духовныя академіи, особенно кievская, московская и петербургская, давшія къ тому же, прямо или косвенно, не мало профессоровъ (и между ними были люди первостепеннаго значенія) въсѣмъ нашимъ университетамъ; но и при всѣхъ этихъ ограниченіяхъ петербургскому университету принадлежитъ между высшими учебными заведеніями Россіи текущаго столѣтія первое мѣсто.

Главную силу петербургскаго университета почти во все время его исторіи составляли, какъ мы на это уже указывали, математическія и естественныя науки. Кромѣ естественной склонности русскаго ума къ подобнымъ наукамъ, на что было указываемо нерѣдко и иностранцами, и что свидѣтельствуется всей исторіей нашей науки, вачивая съ Ломоносова па развитіе хорошаго состоянія преподаванія этихъ наукъ въ петербургскомъ, какъ и въ другихъ университетахъ, дѣйствовало еще то, что науки эти всего менѣе страдали отъ пертурбацій, которымъ время отъ времени подвергались извнѣ наши университеты. При всѣхъ перемѣнахъ, какими подвергались университетскіе уставы и самое преподаваніе, некомпетентныя руки всего менѣе касались математики и естествознанія, чтобы подчинить ихъ какимъ-либо особымъ теоріямъ или ограниченіямъ. Прибавлялись каедры, преподаваніе распрылось, специализировалось, шло своимъ нормальнымъ ходомъ, удовлетворяя все болѣе и болѣе потребностямъ науки, а не съуживалось и не искажалось, какъ это было съ философіею, и не искалѣчивалось посредствомъ отсѣченія извѣстныхъ частей,

въ родѣ естественнаго права и исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, какъ это было съ науками юридическими. Наука для своего правильнаго развитія требуетъ постоянства ученой обстановки, непрерывности теченія, преемственности въ разработкѣ и преподаваніи; только при этихъ условіяхъ можетъ образоваться ея надлежащій культъ, школа, преданіе. Математика въ петербургскомъ университетѣ была поднята на высоту, подобающую столичному университету, еще профессоромъ Сомовымъ, начавшимъ въ 1841 г. еще адъюнктомъ читать высшую алгебру, обѣ тригонометріи, аналитическую и начертательную геометрію и теорію опредѣленныхъ алгебраическихъ уравненій высшихъ степеней и занявшимъ въ 1847 г. профессорскую кафедру прикладной математики. Но еще въ 1846 г. вступилъ въ качествѣ представителя чистой математики въ петербургскій университетъ академикъ Буяковскій, имѣвшій къ тому времени уже громкую извѣстность. а вслѣдъ за нимъ (1847) взомло на кафедру и громкое, яркое свѣтило математическаго факультета, вскорѣ сдѣлавшійся знаменитымъ геометромъ П. Л. Чебышевъ, истинный создатель блестящей математической школы въ петербургскомъ университетѣ. Химія, другая слава петербургскаго университета, была поставлена на хорошую ногу еще профессоромъ Воскресенскимъ, питомцемъ главнаго педагогическаго института, затѣмъ ученикомъ Магнуса и Либиха, начавшимъ свои лекціи въ 1839 г. Въ его школѣ образовался цѣлый рядъ извѣстнѣйшихъ русскихъ химиковъ, между которыми достаточно указать на Н. Н. Соколова, Н. Векетова, и на двухъ главнѣйшихъ нынѣшнихъ представителей химіи въ петербургскомъ университетѣ Менделѣева и Меншуткина. Но къ этой блестящей школѣ въ концѣ шестидесятихъ годовъ присоединилось еще новое украшеніе кафедры въ лицѣ создателя особой химической школы, бывшаго казанскаго профессора А. М. Бутлерова. Присутствіе въ факультетѣ частью одновременное, частью преемственное, ученыхъ столь выдающагося значенія, представителей важнѣйшихъ кафедръ въ факультетѣ въ связи съ значительными представителями къ другимъ кафедрамъ, между которыми изъ числа умершихъ, чтобы не называть главныхъ, можно указать на астровома Савича, зоолога Степ. Куторгу, ботаника Ценковского, такъ выдвинуло физико-математическій факультетъ петербургскаго университета не только изъ ряда другихъ факультетовъ другого университета, но и изъ ряда физико-математическихъ факультетовъ другихъ университетовъ, что первенство его среди тѣхъ и другихъ сдѣлалось безспорнымъ, и, вѣроятно, останется таковымъ на долгое время.

Историко-филологическій факультетъ можетъ выставить, какъ свою неоспоримую славу, имена Грефе, М. Куторга, Срезневскаго, Минаева, имена первостепеннаго въ русскомъ университетскомъ мірѣ значенія, а равно съ гордостью указать на нѣсколькихъ изъ нынѣ живущихъ и дѣйствующихъ профессоровъ, которыхъ не легко найти равныхъ въ другихъ университетахъ; юридическій—имѣлъ своими представителями Неволлина, Пахмана, Градовскаго, да и въ настоящее время имѣть не одного достойнѣйшаго представителя, хотя, можетъ быть, въ общемъ онъ и не такъ блестяще обставленъ, какъ можетъ и долженъ быть обставленъ научными силами юридическій факультетъ первенствующаго университета въ Россіи. Изъ ряда всѣхъ другихъ русскихъ университетовъ петербургскій университетъ выдвигается еще своимъ факультетомъ восточныхъ языковъ, гдѣ собрано столько спеціалистовъ по изученію азіатскихъ языковъ, сколько ихъ едва-ли можетъ выставить какой-бы то ни было университетъ въ Европѣ. Что въ этомъ факультетѣ, созданномъ лишь въ 1854 году, хотя преподаваніе нѣкоторыхъ азіатскихъ языковъ началось съ самаго начала существованія университета, были и есть люди первостепеннаго значенія, это извѣстно каждому. Существованіе восточнаго факультета придаетъ не мало блеска и значенія петербургскому университету уже тѣмъ однимъ, что факультетъ этотъ есть единственный не только у насъ, но въ цѣлой Европѣ, именно, какъ факультетъ университета, а не какъ спеціальная школа. Отсутствіе же въ немъ

медицинскаго факультета, излишняго при существованіи медицинской академіи въ Петербургѣ, служить только къ избавленію университета отъ тѣхъ неудобствъ, которыя причиняетъ медицинскій факультетъ другимъ русскимъ университетамъ. Съ одной стороны, медицинскій факультетъ слишкомъ, такъ сказать, громоздокъ и слишкомъ много занимаетъ мѣста въ университетѣ сравнительно съ другими факультетами, съ другой—нерѣдко вноситъ въ ученую среду по своему больше практическому, чѣмъ теоретическому характеру, атмосферу интересовъ, которыхъ лучше не имѣть университету. Отсутствію медицинскаго факультета петербургскій университетъ въ значительной степени обязанъ той высотѣ товарищескихъ отношеній въ профессорской коллегіи, которой еще нѣтъ въ другихъ нашихъ университетахъ и которая съ своей стороны также даетъ ему рѣшительное преимущество предъ всѣми остальными русскими университетами.

Наконецъ, особое преимущество, которымъ петербургскій университетъ отличается передъ своими русскими собратами, заключается въ томъ, что обучающееся въ немъ юношество проводитъ годы своего ученія въ болѣе культурной обстановкѣ, чѣмъ юношество другихъ русскихъ университетовъ, не исключая и московскаго. Не только по большому обилію образовательныхъ средствъ въ видѣ библиотекъ, музеевъ, лабораторій и т. п., но и по большому развитію своей общественной среды, по большей сложности и разнообразію дѣйствующихъ въ немъ интересовъ и стремленій, Петербургъ представляетъ и лучшую среду для разносторонняго умственнаго развитія, и лучшую школу для подготовленія къ практической жизни. Ученымъ человекомъ можно сдѣлаться, разумѣется, во всякомъ университетскомъ городѣ, но получить надлежащую полноту развитія и въ умственномъ, и въ эстетическомъ, и въ социальномъ смыслѣ, усвоить себѣ широкіе интересы общественной жизни можно всего легче и вѣрнѣе лишь въ городѣ, служащемъ сосредоточіемъ государственной жизни, гдѣ съ наибольшей полнотой представлены всѣ интересы, гдѣ общественная жизнь выше по тону и напряженнѣе по стремленіямъ, гдѣ вся жизненная обстановка шире и разнообразнѣе, гдѣ вся окружающая среда культурнѣе. Не эта ли притягательная сила болѣе широкаго и неизбѣжнаго умственнаго центра, между прочимъ, и манитъ въ нашу непривлекательную по своему климату столицу ежегодно сотни юношей со всѣхъ концовъ нашей обширной имперіи, съ Кавказа и изъ Бессарабіи, съ береговъ вѣжней Волги, Сибири, изъ центральной и южной Россіи, юношей, которые предпочитаютъ далекій университетъ города Петра Великаго своимъ ближайшимъ университетамъ, своимъ естественнымъ центрамъ притяженія!